

УДК: 101.1+316

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

Теплов А. С.

**Трансформация концепта «сеть» в методологии
социальных исследований¹**

Институт философии Российской академии наук,
ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Россия; teplov-2000@yandex.ru

Аннотация. Одной из важнейших характеристик философской и социально-гуманитарной науки рубежа XX и XXI вв. является постоянное обновление понятийно-терминологического аппарата, что обусловлено главным образом высокой скоростью изменений в общественной реальности. В статье анализ истории развития сетевой теории в границах социальной философии начинается с обращения к работе Дж. Барнса 50-х годов, в которой автор предлагает использовать метафору сети для описания усложнившихся социальных отношений. Далее рассмотрен ряд современных подходов, представленных в трудах М. Кастельса, М. Маклюена, Х. Розы и Ш. Зубофф, подтверждающих базовую интуицию о высокой эвристичности сетевого осмысления современного общества. В контексте обращения к широкому контекстуальному полю социальной теории изучены факторы технологического прогресса, экономической зависимости, корреляция с образовательной средой, проблемами расширенной экологической теории и ряд других аспектов, непосредственно связанных с развитием сетевого подхода. Обращение к этим контекстам позволяет лучше раскрыть специфику современных методологических стратегий и вместе с этим выделить ряд проблемных мест в социально-гуманитарном знании. Обосновывается тезис, согласно которому последовательное рассмотрение трансформации социальной теории, осуществившей переход от антропологического по духу сетевого анализа к современным концепциям, таким как «надзорный капитализм», «макдональдизация» и др., является ключевым для понимания основ исследований современного состояния общественных отношений.

Ключевые слова: Сеть; сетевой анализ; сетевое общество; социальная теория; технологический прогресс; глобализация; интернет; социальное программирование

Для цитирования: Теплов, А. С. (2025), «Трансформация концепта «сеть» в методологии социальных исследований», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11(4), 31-45. DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РНФ 25-28-00707 «Социальное программирование как проблема сетевой самоорганизации» (Институт философии РАН).

A. S. Teplov

The transformation of the concept of 'network' in social research methodology²

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences,
bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation;
teplov-2000@yandex.ru

Abstract. One of the most important characteristics of philosophical and socio-humanitarian science at the turn of the 20th and 21st centuries is the constant updating of conceptual and terminological apparatus, which is due to the high rate of real changes in society. The article begins the analysis of the history of the development of network theory within the boundaries of social philosophy by referring to the work of the 50's by J. A. Barnes, in which the author suggests using the metaphor of the network to describe complicated social relations. Next, the article examines a number of modern approaches presented in the works of M. Castells, M. McLuhan, H. Rosa and S. Zuboff and confirming the basic intuition about the high heuristic of the network understanding of modern society. In the context of addressing the broad contextual field of social theory, the factors of technological progress, economic dependence, correlation with the educational environment, problems of extended ecological theory and a number of other aspects directly related to the development of the network approach are studied. Addressing these contexts makes it possible to better reveal the specifics of modern methodological strategies and, at the same time, identify a number of problematic areas in socio-humanitarian knowledge. The article substantiates the thesis according to which a consistent consideration of the transformation of social theory, which has made the transition from anthropological in the spirit of network analysis to modern concepts such as “supervisory capitalism”, “McDonaldization”, etc., is key to understanding the foundations of research on the current state of public relations.

Keywords: Network; network analysis; network society; social theory; technological progress; globalization; Internet; social programming.

For citation: Teplov, A. S. (2025), “The transformation of the concept of 'network' in social research methodology”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11(4), 31-45, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-4-0-3

Введение

Идея использовать метафору «сети» применительно к социальному анализу была актуализирована в академической культуре уже в 1950-е годы. В работах английского социолога Дж. А. Барнса, предложившего говорить о «социальных сетях», она использовалась для описания социальных отношений, прошедших трансформацию в период технологического и экономического прогресса. Спустя несколько десятилетий «сеть», которая в работах Барнса имела ограниченную размерами сообществ сферу применимости и антропологическую направленность, становится базовой категорией социальной мысли. В 1997 г. в претендующей на полномасштабное описание эпохи работе испанского

² The research is carried out at expense of RSF project No. 25-28-00707 “Social Programming as a Problem of Network Self-Organization”.

социального теоретика М. Кастельса «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» сеть становится отражением современной социальной организации и экономических отношений, то есть наиболее эвристически ценной категорией.

Антропологический сетевой анализ еще не делал акцент на технологических новшествах, что давало возможность применять сетевую оптику в предметных рамках исследования самой формы социальных отношений. Согласно современному научному консенсусу, технологическое развитие играет ключевую роль в архитектуре общественного устройства. Процессы глобализации изменяют не только межличностные и экономические отношения, но и межкультурные. Изменения культурного поля можно проследить в обращении М. Маклюена к образу «глобальной деревни», с помощью которого автор проводит аналогию между близостью и доступностью различных форм взаимодействий индивидов друг с другом в деревенском обществе и возможностью коммуникации в самых широких географических рамках, выходящих далеко за пределы государства, языка, континента, культуры. Роль технологического развития, таким образом, является ключевой для оптики сетевого общества. Технологии образуют контекстное поле, являются как причиной, так и следствием происходящих изменений, причем не менее важно и то, что трансформации касаются идентичности *каждого* человека, проникают на индивидуальный уровень.

Для последовательного рассмотрения развития сетевого подхода в границах социальной теории важно обратиться к условному истоку сетевого анализа – антропологическому сетевому анализу, пионерами которого стали Дж.А. Барнс и Дж. Баусвен. Затем мы перейдем к теории сети и сетевого общества М. Кастельса. Антропологическая рамка развития сетевого подхода также имела свое продолжение, к примеру, в акторно-сетевой теории Б. Латура, но мы сознательно ограничиваем предметную область нашего исследования. Это обусловлено, во-первых, трудностью обнаружения методологических точек пересечения между концепциями М. Кастельса и Б. Латура, что требует отдельного рассмотрения, а во-вторых, фокусом нашего исследовательского интереса, сосредоточенным на теоретическом описании современного общества, которое может послужить основой для социальной практики.

Мы предпримем попытку эксплицировать отличительные факторы организации современного сетевого общества, сделав особый акцент на его генеалогии. Для этого мы прибегнем к последовательному анализу связи между технологией – медиа – сетью – индивидуальностью на материале комплексных исследований М. Кастельса и М. Маклюена. В дополнение к этому мы используем рассмотрение экономических процессов глобализации в исследованиях Дж. Ритцера. В них можно обнаружить не только важные исторические наблюдения в области социальной динамики, но и сохраняющую актуальность характеристику современного состояния производственных и трудовых процессов. Обращение к технической оптике проводится с опорой, в первую очередь, на воззрения Э. Каппа об отношении человека и произведенного им технического средства, а также на В. Розина, исследования которого позволяют подробнее раскрыть состояние человека как биологического вида, погруженного в современный мир технологий. Эти оптики представляются важным дополнением к теории М. Маклюена и к проблеме идентичности человека в целом. В завершение мы обратимся к отдельным аспектам состояния современного сетевого общества, имеющим значение для развития этого теоретического языка описания мира.

Антропологический сетевой анализ. Применение метафоры «сети» и первые исследовательские трудности

В современном философском обиходе такие понятия, как «сетевое общество», «информационное общество», «цифровое общество» и некоторые другие, уже стали

привычными. Их актуализация в первую очередь связана с понятием «новая социальность», которое впервые было введено М. Кастельсом (Кастельс, 2004: 153). Книга увидела свет в 2001 г. в издании Оксфордского университета. «Новая социальность» отражает трансформацию общества в онлайн и офлайн пространствах как полях взаимодействия между акторами, где меняются и сами общественные отношения. Увеличивается число пользователей Интернет, взаимодействие обрастает новыми контекстами и сложностями, это М. Кастельс и называет «новой социальностью». М. Кастельс пишет о рождении новой формы общества, которая объединяет людей в онлайн-пространстве вокруг новых ценностей и интересов, что обуславливает возможность фактически неограниченного социального взаимодействия (Кастельс, 2004: 144-145). Качественная характеристика «новая» при этом отражает ряд изменений в структурном разнообразии социальности. В первую очередь, сетевая социальность теряет какой-либо концентрированный центр, привязку к конкретному месту, то есть происходит сдвиг от пространственных границ к пространственному сообществу. Эти изменения требуют пересмотра самого понятия сообщества, с чем М. Кастельс обращается к исследованиям Б. Уэллмана: «Сообщество – сети межличностных связей, обеспечивающие социальные взаимодействие, поддержку, информацию, чувство принадлежности к группе и социальную идентичность» (Кастельс, 2004: 153). Так, с помощью технологий дистанционного взаимодействия, сами границы сообщества теряют четкую территориальную привязку, что и создает «новую социальность».

Безусловно, проблема трансформации представлений социально-гуманитарных наук об устройстве общества актуализировалась раньше, в первой половине XX века, и на протяжении истории социальной философии и социальной теории прошла через несколько рубежных этапов. Основным фактором, меняющим ландшафт социального, является трансформация жизненного мира человека, все более опосредованного достижениями научно-технического прогресса (от механизации транспортной инфраструктуры до цифровизации культурных практик). В этом контексте важно, что метафора взаимосвязи социальных узлов, называемой «социальными сетями», появляется довольно рано, уже в работе Дж.А. Барнса 1954 года (Barnes, 1954). Ученый начинает с того, что задача постичь разнообразные способы систематического взаимодействия членов общества феноменально сложна. На момент написания работы Дж. Барнс считает, что такого рода задачи в определенной степени решены для простых обществ, то есть однородных обществ с четкой иерархической структурой. Многие общества западного типа относятся скорее к сложным, обладая большим рядом внутренних социальных разделений, что, безусловно, усложняет анализ систематического взаимодействия его участников. Ученый замечает, что обращение к сложным обществам в процессе анализа может привести к более полному знанию лишь об очень небольшом секторе социальной жизни масштабного общества, то есть к частичному пониманию структуры. В отличие от простых обществ, позволяющих провести концентрированный масштабный анализ, сложное общество следует изучать поэтапно (Barnes, 1954: 2-3).

Свой анализ Барнс строит на основе организации общества сравнительно небольшого норвежского острова Бремнес. Каждый житель этого острова является представителем норвежской культуры, но одновременно его модели поведения определяются принадлежностью сразу ко многим социальным группам и контекстам, что отражается как на деятельности жителя, так и на том, каким образом осуществляется его коммуникация с другими. Выделяется три основных социальных поля. Первым из них является территориальное, в котором превалируют административные иерархические отношения, наряду с взаимосвязями между соседями, что включает в себя ведение хозяйства, религиозную деятельность, развлечения и т. д. Дж. Барнс подчеркивает, что «единицы» этой системы долго сохраняются, а состав меняется медленно. Второе социальное поле связано с индустриальной системой. Здесь выделяются отношения множества взаимосвязанных, но формально

автономных единиц. Изменения второго поля происходят заметно быстрее, а в качестве «единиц» системы могут быть представлены социальные группы. И, наконец, третье социальное поле не имеет никаких «единиц» и границ, а также каких-либо иерархических отношений (Barnes, 1954: 6-7). Сюда Дж. Барнс относит дружеские связи и знакомства. Это могут быть и родственные, и случайные связи, причем строиться они могут между людьми одного социального статуса и совершенно разного. Кроме того, такие связи постоянно изменяются, постоянно образуются новые и разрываются старые.

Применительно к третьему социальному полю он предлагает использовать понятие «сеть». Эта «сетевая» модель описания графически представляется как набор точек, связанных между собой линиями. Такая система не имеет предела и охватывает общество целиком, не нуждаясь в каких-либо границах и внутренних делениях. Последние могут существовать, но появляются в результате работы по осмыслению общества как сети, чья гомогенность может быть дифференцирована. Так, ученый замечает, что концепция сети является, в первую очередь, инструментом для анализа такого феномена как «социальный класс» (Barnes, 1954: 45-46). Важно, что в те годы эвристичность понятия «социальный класс» в условиях массовизирующегося общества уже была поставлена под сомнение в трудах Франкфуртской школы. Хотя ученый и признает существование множества других подходов, не лишенных эффективности, принципиально важно, что он считает возможным и необходимым их дополнить.

Идея социальной сети в контексте исследований Барнса помогает сделать ряд новых социальных процессов предметом теоретического рассмотрения. Так, например, термин «социальный класс» используется не только в научном дискурсе, но и в разговорной речи. То есть может выступать не только в качестве строгой исследовательской классификации, но и отражать индивидуальные склонности человека к делению общества вокруг себя на такие классы на основе системы ценностей, достатка и уровня образованности.

Класс, к которому себя отнесет человек, здесь будет определяться на основе социального окружения, что также можно регистрировать, опираясь на метафору сети. Выявление таких социальных процессов достаточно важно. Так, на примере общества Бременса можно проследить различие в отношениях между разными классами. Как пишет Дж. Барнс, класс становится категорией мышления, что основано на устоявшихся представлениях и различных стереотипах об обществе (Barnes, 1954: 47). Однако более интересным в данном ракурсе выступает другое наблюдение. Всем представителям каждого класса присущи определенные материальные атрибуты. Богатым людям свойственно обладание большими домами, дорогой одеждой, яхтами, автомобилями и т. д. Также они оплачивают дорогое образование своим детям. Социолог обращает на это внимание с точки зрения динамики усиления дифференциации социального статуса, что хоть и имеет свои противовесы, но с течением времени становится все более явным. Кроме того, на момент 1954 года сообщества, особенно такие сообщества, как на Бременсе, имеют четкую локализацию. Дети богатых людей получают образование за границей, там они вступают в контакт с новыми ценностями и идеалами, с чем позже возвращаются домой. Это ведет к дифференциации внутри локализованных сообществ, что в качестве «знаков» подкрепляется как материальными, так и нематериальными атрибутами.

Сегодня тот факт, что тенденции дифференциации на основе атрибутов являются настоящими признаками статуса, а различия людей с теми, кто находится ниже или выше в социальной иерархии, формируют необходимость эти различия подкреплять, стал аксиоматическим в социальной мысли. Об этом пишет З. Бауман, говоря, что сегодня потребление товаров – это инвестиция во все, что имеет значение для индивидуальной социальной ценности и самооценки (Bauman, 2007: 57).

Важно, что Барнс принадлежал к Манчестерской школе, обращавшейся к метафоре сети как к инструменту антропологического анализа. Развитие антропологического сетевого анализа представляет собой долгий путь, в рамках которого сами защитники подхода высказывали опасения о его несостоятельности. В частности, Дж. Буасвен отмечал излишнюю сложность подхода, способную запутать сам ход исследования (Boissevain, 1979: 393-394).

В антропологическом сетевом анализе можно выделить несколько ключевых особенностей. Сеть является эгоцентричным концептом, описывающим взаимодействие одного индивида с множеством «других». Перед каждым исследователем, прибегающим к данному методу, стоит задача выбрать критерии, по которым будет сужена сеть, задать ей ограничения, подходящие для конкретной исследовательской задачи. Выделяется также два основных направления, характерных для антропологического сетевого анализа. Поведенческие социальные сети рассматривают процесс установления, поддержки или разрыва индивидом различных отношений, а также распределение времени и личного ресурса внутри них. Когнитивные социальные сети описывают процесс осмысления индивидом своего места в социальных отношениях, оценки им своего социального окружения (Богатырь, 2015: 43-44).

Эти особенности позволяют заметить и методологические и содержательные проблемы антропологического сетевого анализа. Проблемная ограниченность вместе с излишней сложностью применения математизированных методов производили «скучные» и очевидные научные результаты. Р. Санджек высказывался о смешении метода с проблемой, когда внимание исследователей привлекало к себе изучение самих «социальных сетей», а не использование их как метода в поиске ответов на антропологические вопросы (Sanjek, 1974: 589).

Сегодня устройство общества и социальных отношений усложняется даже стремительнее, чем это происходило в XX в. Как пишет М. Кастельс, к XXI веку происходят преобразования социального ландшафта жизни человека. Развитие информационных технологий ускоренными темпами формирует новую материальную основу общества. Место главного катализатора этого процесса у М. Кастельса занимает экономическая сфера, в первую очередь из-за процессов глобализации, получающих сетевое и культурное измерения (Кастельс, 2000: 25). Глобализация на современном этапе человечества может характеризоваться ускорением коммуникаций, изменениями в сфере производства и на рынке труда, а также активным взаимопроникновением культур и изменениями способов взаимодействия в целом. Эти процессы усложняют устройство общества, с одной стороны, расширяя границы сообществ, а с другой, создавая ряд новых форм экономических и политических ограничений, социальных отношений, что требует изменений и в сетевых подходах. Если концептуально антропологический сетевой анализ предполагал безразмерное расширение исследуемого поля, то в масштабах современной глобализации каждая локальная сеть будет являться непосредственной частью глобального. При этом М. Кастельс отмечает сложность и ситуативную изменчивость отношений между глобальными и локальными процессами (Кастельс, 2000: 327).

Сам процесс глобализации определяется М. Кастельсом как новая, информационная экономика. Это исторически новая реальность. Такая экономика, как пишет ученый, может работать в виде единой системы в масштабе всей планеты (Кастельс, 2000: 327). Настолько широкая глобализация стала возможной именно благодаря информационным и коммуникационным технологиям. Новые способы и темпы взаимодействий, которые открывают современные технологии, позволяют глобальным финансовым рынкам работать в режиме реального времени, обрабатывая бесчисленное количество финансовых сделок каждую секунду.

Роль технологического прогресса в трансформации социальных исследований

Ключевая роль в этих процессах, безусловно, отводится технологиям. Сложность заключается в том, что технологии плотно вплетены в социальные, политические и культурные процессы. Определить, где исток наблюдаемого нового феномена, подчас не представляется возможным. Технологическая революция не происходит сама по себе, не связана только с разработкой новых технических средств, но происходит в тесном взаимодействии с опосредованным культурой социальным видением. В наличной современности это заходит еще дальше: М. Кастельс показывает, что технология становится не просто инструментом, а процессом, где пользователь и разработчик могут объединиться в одном лице (Кастельс, 2000: 52). Это важное замечание стало архетипическим для определения того качественно нового, что отличает Интернет.

В своей основе то, что впоследствии станет глобальной сетью, имело целью создание конкретного и удобного функционала быстрой передачи данных для работы министерства обороны США. Эта сеть носила название ARPANet и соединяла компьютеры четырех крупных университетов страны в 70-х годах прошлого столетия (Диков, 2019). Далее сеть расширялась, охватывая все больше областей, но сохраняя свою основную функцию. И уже позже, когда технические средства позволили сделать интернет доступным широкому пользователю, начинаются серьезные процессы качественной трансформации. В 80-х годах появляются такие вариации, как Fidonet, особенностями которых становится неформальное общение пользователей на различные актуальные темы. Буквально за десятилетие это достигает знакомого нам технологического состояния, приводит к началу глобальной межкультурной и межличностной коммуникации, но также продолжает создавать запрос на технологическое развитие информационной среды.

В контексте нашего исследования такая технологическая совокупность, как интернет, может быть рассмотрена с точки зрения идей Э. Каппа. Каждое техническое средство, создающее глобальную технологическую сеть, является «артефактом», передающим культуру человека в общем плане, является его средством осознания себя. Информационно-техническая революция стала отражением и продолжением того состояния социальности, основы которого сложились по завершении индустриальной революции (тех общественных процессов, усложнений структуры общества, на которые обращал внимание Дж. Барнс и другие сторонники антропологического сетевого анализа). Все это становится катализатором новых возможностей для трансформации общества, а следовательно, и последующих технологических изменений, которые активно развиваются сегодня. Перед нами бесконечный процесс взаимосвязи социального и технического, где первое является причиной развития второго, создает отражение, а оно, в свою очередь, катализирует трансформации первого, вызывая новые технические реакции. Ведь не зря, обращаясь к дефиниции «технология», Капп понимает это не как конкретный объект по типу «телефона» или «автомобиля», а как отношение человека к этому объекту, а то и вовсе отношения между людьми и миром.

Глобализация и экономическая зависимость социальных процессов

Если продолжить обращение к глобальной информационной экономике, которая является ядром глобализации у М. Кастельса, то стоит отметить, что она является чрезвычайно политизированной: формирование новой экономики неразрывно связано с развитием политических процессов, происходящих в государствах. Ученый подчеркивает, что глобальная экономика строится не на пустом месте, а формируются, в том числе, локальными агломерациями, они становятся базой для участия региональных экономик в глобальной сети (Кастельс, 2000: 369). В глобальной информационной экономике меняется, таким образом, география, распределение точек производства товаров и его сбыта, все это поддается новой логике, зависящей от текущего состояния локальной и глобальной сети, а также от

конкуренции. Процесс этот, безусловно, сложен и ситуативен. Но понятийный аппарат парадигмы сетевого общества позволяет систематизировать эту сложность: так, можно сказать, что экономики развитых стран или крупнейших глобальных городов, например, Токио, становятся ядрами, но не центрами, сетевой структуры. Меняется и темп производства, привлекаются новые информационные технологии, изменяющие не только техническое состояние производящих фабрик, но и само распределение труда. М. Кастельс пишет, что умственный труд, вероятно, заменит физический в большинстве секторов экономики (Кастельс, 2000: 508). То есть сеть в процессе своего функционирования производит само орудие производства сети.

В теории М. Кастельса «сеть» представляет собой уже не метафору, а реальную форму организации общества. В процессах производства оперативной единицей является не индивидуальная компания, даже не группа компаний, а именно сеть (Кастельс, 2000: 169). Так и в культурных и социальных контекстах каждой единицей рассмотрения будет сеть, собранная из множества субъектов и организаций, приспособляющихся к рыночной структуре (Кастельс, 2000: 197). Элементами современной исторической реальности являются, в первую очередь, «деловые сети», имеющие различные формы, существующие в разных контекстах, проистекающие из разных культурных выражений, как и семейные сети, предпринимательские, иерархические, организационные и другие (Кастельс, 2000: 195). Все это также сосуществует с технологическими инструментами. Причем на более ранних этапах, до интернета, можно говорить и о таких технических средствах, как телефоны, телевидение и так далее, все то, что способно создавать, осуществлять связь и ее поддержку в любое время, то есть формирует сеть. Не менее важной здесь же является глобальная конкуренция и роль государства в развитии экономики. Уже оговаривалось, что в сеть включается любой процесс, любая форма деятельности, в том числе научная, производственная, социальная и другие.

Сетевой мир, соединяющий в процессуальности сферы культуры и экономики, приносит трансформации в общество самым непосредственным образом. Одной из них является стандартизация форм социальных взаимодействий – от трудовой до культурной и образовательной. Американской социолог Дж. Ритцер характеризует подобные явления как «дегуманизацию», которая затрагивает как работника, так и клиента, сводя все процессы к протоколам и единообразию (Ритцер, 2011: 381). Стандартизация, описанная Дж. Ритцером, проникает во многие сферы человеческой жизнедеятельности и уже является их частью. Этот процесс также является глобальным, связывается с экономическими движениями общества. Для человека это означает вмешательство в две важнейшие и ранее претендующие на автономность сферы, а именно: 1) образование как процесс приобретения необходимых навыков для будущей профессиональной самореализации и поддержания конкурентоспособности на рынке труда, 2) трудоустройство и дальнейшую трудовую деятельность. Во-первых, образование и образовательные процессы сегодня тоже являются достаточно стандартизированными. Во-вторых, существующая иерархия должностей в схожих организациях будет иметь идентичные или очень похожие требования и должностные компетенции, применяемые к работнику, занимающему определенную должность, в том числе из-за таких элементов «макдональдизации» как предсказуемость и строгий контроль.

Все это, как и в случае с производимым товаром или услугой, затрагивает и самого работника. В крупных агломерациях рабочих мест, чаще всего, меньше, чем жителей или потенциальных кандидатов на эти рабочие места, что создает для последних ряд схожих с описанными элементами производства количественных и качественных сложностей. На примере сферы образования мы можем проследить это в описании, предпринятом Б.И. Пружининым, Т.Г. Щедриной и И.О. Щедриной (Пружинин, Щедрина, Щедрина, 2023: 10). Учащиеся сегодня предстают перед ситуацией нарастающей интенсивности

технологического прогресса, где хорошо обученный специалист с течением времени может терять свою актуальность, если не будет способен к быстрой адаптации. Это преодолевается объемным вкладом в самообразование и самосовершенствование, которым также необходимы осознанность и мотивация, наилучшим образом достигаемые в профессиональной коллаборации.

Воздействие сетевой культуры на социальные и биологические аспекты личности

Для текущего обсуждения важно отметить, что и работодатель заинтересован в работнике, способном к адаптации и обладающем внутренней мотивацией и навыками аутодидактики. На фоне «стандартизированных» специалистов свою индивидуальность необходимо как-либо продемонстрировать. В частности, именно из этой необходимости в 1997 г. бизнес-тренером Т. Питерсом предлагается понятие «личный бренд» в качестве маркетингового инструмента достижения и, главным образом, демонстрации собственной уникальности и компетентности. Здесь развитие цифровых технологий становится и необходимостью, и способом этого продвижения. Сегодня самопрезентация и ее грамотное составление стали реальным инструментом поддержания собственной конкурентоспособности.

Возвращаясь к феноменальной стороне сетевизации, можно сказать, что в современном обществе важную роль играет и «многоликая виртуальная культура», созданная информационными технологиями в виртуальном пространстве (Кастельс, 2000: 198). Такая культура дает информацию властным структурам, помогает поддерживать их статус в сети. Однако одновременно она задает свои условия. Сетевое предприятие учится жить внутри этой культуры, а с учетом ее изменчивости, постоянной переходности, такое предприятие должно быть гибким. Любая попытка кристаллизации ведет к устранению сети, поскольку происходит разрыв динамики подключений.

Как замечает М. Маклюен, современный контекст информационного мира является чуждым для человека как биологического вида. Такие же чувства испытывает туземец при взаимодействии с западной культурой письменности (Маклюен, 2003: 20). Взаимоотношение человека и культуры в цифровой эпохе американский психиатр Р.Дж. Лифтон описывает как «протеевскую» идентичность по аналогии с древнегреческим божеством Протеем (Lifton, 1993). Ключевая способность мифологического персонажа заключалась в постоянном изменении своего облика. Так и современный человек в контексте глобальных сетей и изменчивой культуры вынужден постоянно изменяться, подстраивать свою идентичность. Среди причин такого принуждения Лифтон выделяет революцию в средствах массовой информации. Благодаря новым и быстрым способам распространения информации человек сталкивается с повышенным уровнем взаимопроникновения культур и культурных ценностей. В итоге он, находясь в своей культурной среде, постоянно подвергается воздействию чужеродного социокультурного влияния.

М. Маклюен понимает медиа как расширение человека, точно так же, как и любое техническое средство является продолжением человека. Так, машина становится продолжением ног, инструменты – продолжением рук. Цифровые технологии становятся продолжением человеческого сознания (Маклюен, 2003: 5). Безусловно, такое расширение будет существенно влиять на сознание человека, на его психический и социальный комплекс.

В контексте описанных подходов интернет можно описывать как особую знаковую систему. С одной стороны, это всего лишь инструмент для получения информации, осуществления всевозможных операций. С другой, интернет погружает человека в иллюзорную реальность, создает новый контекст, новое поле деятельности. В.М. Розин замечает, что техника и совокупность технических систем, в том числе интернет, воспринимаются не просто как средство, а как новая реальность, способная конкурировать

с «первой природой» за место обитания человека (Розин, 2006: 74). Информационная среда является для человека «новой» и с социальной, и с биологической точек зрения, ее корректно назвать «искусственной средой», процесс адаптации к которой крайне сложен и может вызвать ряд сложностей как на социальном уровне, дробя идентичность на множество «Я», так и на физиологическом уровне, нанося непоправимый ущерб здоровью и психоэмоциональному состоянию человека. (Петрова, 2008: 104-106).

Безусловно, в 1964 г. еще не приходилось говорить об интернете с той конкретностью, которая доступна нам сегодня. Однако уже тогда М. Маклюен развивает концепцию «глобальной деревни». Слово «деревня» автор использует не случайно, отсылая к рассмотрению различий города и деревни. Одно из ключевых отличий города заключается в его масштабе. Однако электрические технологии концентрируют всю коммуникацию в небольшой точке, что больше характерно для деревни, чем для города (Маклюен, 2003: 76). «Глобальная деревня» создается новыми средствами коммуникации, где все акторы взаимодействия «находятся» близко друг к другу с помощью электрических технологий, и это отражается на качестве и объеме информации. Новые источники информации своей эпохи М. Маклюен называет «горячими медиа», которым характерна высокая определенность, то есть наполненность данными. Горячие средства не дают пространства для формирования собственных мнений, погружая человека в широкий поток информации, который остается только принимать. Холодные средства, по аналогии, действуют иначе, оставляя пространство для формирования своих собственных воззрений (Маклюен, 2003: 14-15). К горячим относятся все новые для конкретной эпохи средства, так, например, в 1964 г. М. Маклюен относит к ним радио и телевидение. Позже такие средства «остывают» и приобретают характеристики «холодных медиа», то есть человек адаптируется к ним. Однако в современном состоянии технологической сети возможность конечной адаптации человека к ней становится большим вопросом. За прошедшие 25 лет, когда интернет стал максимально доступен для любого человека, многие авторы отмечают преимущественно негативную динамику в вопросе адаптации (Петрова, 2017) (Шпитцер, 2015) (Лисенкова, 2021). Иначе говоря, риск того, что современные медиа никогда не «остынут», довольно высок. В то же время, информация в современных медиа не стоит на месте, а продолжает «ускоряться», приводя к таким негативным феноменам, как «загрязнение информации», а следовательно, к «цифровому слабоумию».

Ускорение темпа социальных процессов и знаковая культура

На этом фоне не менее важной характеристикой современных социальных и экономических процессов является ускорение темпа социальных процессов или «социальное ускорение», что подробно описывает Х. Роза (Rosa, 2013). В сферу внимания автора попадают три формы социального ускорения: технологическое ускорение, ускорение социальных изменений и ускорение темпа жизни. Первая форма является следствием технического прогресса, который также является одной из двигательных сил глобализации и становления сетевого общества путем совершенствования способов производства, передачи информации, взаимодействия людей между собой и т. п. Технологии позволяют ускорить все из них, но, как отмечает Х. Роза, приводят к парадоксальной взаимосвязи между всеми тремя формами (Rosa, 2013: 71). Ускорение технологий должно, с одной стороны, освободить время конкретного индивида на другие дела, но при этом задач, относящихся к любому делу, а тем более к трудовым обязанностям, прибавляется многократно больше, что сокращает это «освободившееся» время. И не только по сравнению с тем, каким освободившееся время могло бы быть, но и по сравнению с тем, каким оно было. Иными словами, как указывает ученый на примере транспортировки какого-либо товара или ресурса, скорость движения удваивается, расстояние при этом утраивается, а значит, один из способов поддержания постоянного

времени транспортировки – сокращение времени отдыха исполнителя. Это правило будет работать относительно всего быта человека. Рост задач начинает опережать технологическое ускорение, тогда как время, например, на домашние дела должно поддерживаться в постоянстве, что приводит к выполнению нескольких задач одновременно (Rosa, 2013: 70).

Данная форма ускорения влияет и на другие формы. Так, например, ускорение социальных изменений выражается в постоянной трансформации культурных, политических и экономических процессов. Общественная жизнь становится менее стабильной и прогнозируемой, стремительно меняются нормы, ценности, институты. Все это приводит к постоянной динамике в обществе, которая требует непрерывной адаптации от каждого члена общества. Х. Роза иллюстрирует это метафорой нахождения на склоне, где невозможно найти состояние покоя, приходится быть в постоянной концентрации и принимать определенные решения (Rosa, 2013: 117).

Технологическая и социальная формы оказывают воздействие на третью – ускорение темпа жизни, что воздействует непосредственно на частного индивида, на его повседневную жизнь, определенные ритуалы и традиции. Х. Роза пишет, что ускоряется буквально всё, начиная от сна, времени, проведенного с семьей, и вплоть до таких сакральных ритуалов, как похороны (Rosa, 2013: 123). Ускоряется даже обычная повседневная речь, не говоря уже о скорости передачи сообщений со стороны профессиональных СМИ. Такая скорость приводит к субъективному ускорению темпа жизни. Человек начинает чувствовать нехватку времени постоянно, что увеличивает уровень стресса. Х. Роза приводит ряд статистических данных, где прослеживается динамика, по которой сегодня, даже по сравнению с двумя десятилетиями ранее, все больше людей чувствует сильную нехватку свободного времени, а также увеличение уровня стресса (Rosa, 2013: 131-132). Это можно связать как с экономическими и производственными темпами, так и с окружающими изменениями в целом, то есть жизнь человека с 90-х годов прошлого столетия качественно могла и не измениться, но ощущение ускорения всех окружающих процессов будто бы инертно подталкивает конкретного индивида куда-то постоянно «спешить».

Ускорение и постоянная изменчивость являются неотъемлемыми характеристиками современного общества, являются частью процессов глобализации, на что обратил внимание и М. Кастельс. Если объединить ускорение с теорией «горячих» медиа, навязывающих информацию, которую человек пока (или уже и вовсе) не может полноценно предать критическому осмыслению, подойти к ней в полной мере творчески, то можно предположить, что частный индивид получает настолько обширное количество новых возможностей, а вместе с тем и требований к себе, что просто не может сориентироваться в этом новом для себя пространстве. Для человека теряется, вероятно, онтологически одно из самых важных ощущений – контроль над своим собственным временем. Важно здесь и то, что, как отмечает Н.Б. Афанасов, в условиях современной цифровой экономики само время труда и отдыха теряют четкое разграничение. Свободное время становится «пористым», не оставляя место «отдыху» в привычном понимании. Даже в нерабочее время можно получить рабочий звонок или задание. И при этом, даже при реальном отсутствии такого звонка, сохраняется постоянно напряжение, что только усиливает уровень стресса (Афанасов, 2019: 49-50).

Здесь важно выделить еще одну особенность информации. Меняется не только ее влияние и роль, как уже было показано, но и производство, и даже статус. В современных социальных исследованиях часто отмечается, что информация, как продукт культуры, становится легко воспроизводимым «товаром». Н.Б. Афанасов пишет: «культура, уже исходя из прагматических соображений, как нельзя лучше подходит на роль нового товара» (Афанасов, 2019: 47). Современное динамичное общество стремится к определенной степени дестабилизации, дезорганизации. Для частного индивида, в этом ключе, знаки (знаковая информация) становятся способом самовыражения и предметом потребления. Но с учетом

дестабилизации, осмысленное потребление знаков сильно затруднено, что превращает их, можно сказать, в инструмент организации общества со стороны владельцев капитала. Ярким примером концепции, которая подробно описывает этот процесс, можно считать «надзорный капитализм» Ш. Зубофф, который определяется ею следующим образом: «Новый экономический порядок, который претендует на человеческий опыт как на сырье, бесплатно доступное для скрытого коммерческого извлечения, прогнозирования и продажи» (Зубофф, 2022: 9).

Показателен пример Ш. Зубофф мобильной игры с дополненной реальностью «Pokemon Go». Действительно, являясь средством проведения досуга с претензией на поддержание активного образа жизни, то есть будучи еще и полезной для здоровья, игра заставляет участника следовать за целью в виде знаков – «покемонов», приводя заинтересованных игроков в те места, куда сами держатели капитала хотели привести своего потенциального покупателя: в рестораны, бары, магазины и т. п. Этот хитрый маркетинговый процесс гарантировал очное посещение потенциальным покупателем конкретной физической точки, что позволяло продолжить с ним дальнейшую работу, превращая его в своего клиента уже внутренними стратегиями (Зубофф, 2022: 18). Здесь же стоит отметить, что и сама игра, являясь знаком, обладала грамотным позиционированием, отвечая моде, привнося новаторские механики (игры с технологиями дополненной реальности только начинали распространяться), а также связываясь с культурным феноменом, знакомым игрокам еще с детского или подросткового возраста.

Однако влияние знаков в сетевой логике, как мы можем предположить, намного шире. Здесь уместно вспомнить классическую работу Ж. Бодрийяра, в которой мыслитель сам процесс потребления представляет как язык, на котором люди общаются между собой, выражают себя в социальном мире (Бодрийяр, 2016: 52). Так, товар, причем в любом виде, носит в себе не только определенную практическую функцию, но и является знаком, который становится средством выражения различия между людьми. В контексте стандартизации, например, многие физические товары сегодня делаются по одной и той же схеме, они, как правило, одинаковы. А значит, знаком, выражающим различие, в таком случае будет бренд.

Заключение

Человек сегодня, о котором с позиций социальной теории можно говорить как о «сетевом человеке», в качестве одного из способов угнаться за прогрессом, выиграть в конкурентной борьбе создает себе личный бренд, то есть свою презентацию в культурном поле, которая служит его характеристикой и при знакомстве, и при приеме на работу. Ценность знаков может и вовсе вытеснить ценность реального качества, что оказывает огромное влияние на экономический сегмент общества, а значит, продолжает влиять и на всю сферу общественной деятельности. Одними из основных факторов становления сети не просто метафорой, удобной для исследователей, а реальной общественной структурой, были экономические и производственные аспекты. Современное общество отличается от всех предыдущих исторических форм темпами роста потребления. Этому сложно дать однозначно негативную оценку, скорее нужно признать в качестве неминувшего следствия техно-социального прогресса. Однако с преобразованием этого процесса в язык, как отмечает Ж. Бодрийяр, сама знаковая система, с которой мы взаимодействуем ежедневно, становится не просто характеристикой, а неотъемлемой участницей с определенной функциональной ролью в сетевом обществе, со всей характерной для него сложностью и темпами изменчивости.

В заключение важно отметить, что сложность и изменчивость сетевой логики представляет собой не только обширное поле для исследования, но и сама по себе, в качестве нашей реальности, вносит ряд корректив в тот исследовательский интерес, который служит целям понимания и разумного преобразования общественной динамики. Х. Роза отмечает, что

ускорение касается и социальных теорий, постоянно заставляя изменяться саму «базу», на которой строились исследовательские методы и концепты прошлого. Общество, в котором мы живем сегодня, совсем не то же самое общество, которое рассматривали, например, К. Маркс или М. Берман (Rosa, 2013: 108). Это требует определенной мобильной и адаптивной методологии изучения социальных процессов.

Исследование общества как произведения сетевой архитектуры представляется одним из наиболее удачных векторов исследований, способным предложить эффективное решение конкретных социальных проблем. Мы показали, что сетевая оптика позволяет интегрировать на общей основе наиболее значимые достижения социально-гуманитарной мысли второй половины XX и начала XXI в. Происходит это буквально по той же модели, по какой функционирует и сама антропо-технологическая сеть: через построение связей вокруг ядер (от индивидов до сосредоточения неравномерно распределенных связей) и актуализации смыслов в нужный момент. Это позволяет охватить во всей широте необходимый контекст, предельную партикулярность конкретных людей и сообществ внутри глобального общества, технологическую и социальную динамику. Мы предполагаем, что сетевой подход, будучи пространственным и не имеющим обязательных границ в своих описательных моделях, позволяет решать практические задачи по нормализации развития общества, которое выглядит как утратившее контроль над самим собой, посредством сетевых же технологий, т. е. особого рода социального программирования.

Литература

- Афанасов, Н. Б. (2019), “Свободное время как новая форма труда: цифровые профессии и капитализм”, *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 43–61. DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002; EDN: XBDYVK
- Богатырь, Н. А. (2015), “Сетевой анализ в антропологии: история и современность”, *Инновации в антропологии: новые направления, объекты и методы в российских антропологических исследованиях*, Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, 35–38.
- Бодрийяр, Ж. (2016), *Общество потребления: его мифы и структуры*, Пер. с фр. Самарская, Е. А., Республика: Культурная революция, Москва.
- Диков, А. В. (2019), “Эволюция Интернета от начала до наших дней и далее”, *Школьные технологии*, 2, 3-8. EDN: AFWQIF
- Зубофф, Ш. (2022), *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*, Пер. с англ. Васильев, А. Ф., Издательство Института Гайдара, Москва.
- Кастельс, М. (2000), *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*, Пер. с англ. под науч. ред. Шкаратана, О. И., Изд-во РГБ, Москва. EDN: QQLCTZ
- Кастельс, М. (2004), *Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*, Пер. с англ. Матвеев, А., под ред. Харитонов, В., У-Фактория, Екатеринбург. EDN: QTKHYD
- Лисенкова, А. А. (2021), *Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве*, Пермский государственный институт культуры, Пермь. EDN: TOSUPY
- Маклюен, М. (2003), *Понимание медиа: Внешние расширения человека*, Пер. с англ. Николаев, В., КАНОН-пресс-Ц, Москва. EDN: QOCITF
- Петрова, Е. В. (2008), “Здоровье и проблема адаптации человека”, *Философия науки*, 13(1), 114–123. EDN: TQUXVZ
- Петрова, Е. В. (2017), “Информационная среда и ее воздействие на человека: проблемы экологии человека в информационном обществе”, *Философские науки*, 5, 98–114. EDN: ZDPNHR
- Пружинин, Б. И., Щедрина, Т. Г., и Щедрина, И. О. (2023), “Социальное программирование в студенческой аудитории: мотивация на познание”, *Вопросы философии*, 10, 5–15. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15; EDN: FYZZCS
- Ритцер, Д. (2011), *Макдональдизация общества 5*, Пер. с англ. Лазарев, А., Праксис, Москва. EDN: QUSGWH
- Розин, В. М. (2006), *Понятие и современные концепции техники*, Институт философии РАН, Москва. EDN: SUPILH

- Шпитцер, М. (2014), *Антимозг: цифровые технологии и мозг*, Пер. с нем. Гришин, А. Г., АСТ, Москва.
- Barnes, J. A. (1954), "Class and Committees in a Norwegian Island Parish", *Human Relations*, 7(39), 39–58.
- Bauman, Z. (2007), *Consuming life*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Boissevain, J. (1979), "Network Analysis. A Reappraisal", *Current Anthropology*, 20(2), 392–394.
- Lifton, R. J. (1993), *The Protean Self: Human Resilience In An Age Of Fragmentation*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Rosa, H. (2013), *Social Acceleration: A New Theory of Modernity*, Columbia University Press, New York, USA.
- Sanjek, R. (1974), "What is network analysis, and what is it good for?", *Reviews in Anthropology*, 1(4), 588–597.

References

- Afanasov, N. B. (2019), "Free time as a new form of labour: digital professions and capitalism", *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 43-61 (in Russ.). DOI: 10.24411/2658-7734-2019-00002; EDN: XBDYVK
- Barnes, J. A. (1954), "Class and Committees in a Norwegian Island Parish", *Human Relations*, 7(39), 39–58.
- Baudrillard, J. (2016), *The society of the spectacle: its myths and structures*. Transl. from French by Samarskaya, E. A., Respublika: Kulturnaya revolyutsiya, Moscow, Russia (in Russ.).
- Bauman, Z. (2007), *Consuming life*, Polity Press, Cambridge, UK.
- Bogatyr, N. A. (2015), "Network analysis in anthropology: history and modernity", *Innovatsii v antropologii: novye napravleniya, obekty i metody v rossiyskikh antropologicheskikh issledovaniyakh*, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia, 35-38 (in Russ.).
- Boissevain, J. (1979), "Network analysis: a reappraisal", *Current Anthropology*, 20(2), 392–394.
- Castells, M. (2000), *The information age: economy, society and culture*. Transl. from English by Shkaratan, O. I. (scientific ed.), Publishing House of the Russian State Library, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QQLCTZ
- Castells, M. (2004), *The Internet galaxy: reflections on the Internet, business, and society*. Transl. from English by Matveev, A., Kharitonov, V. (ed.), U-Factoriya, Yekaterinburg, Russia (in Russ.). EDN: QTKHYD
- Dikov, A. V. (2019), "The evolution of the Internet from its origins to the present and beyond", *Shkolnye tekhnologii*, 2, 3-8 (in Russ.). EDN: AFWQIF
- Lifton, R. J. (1993), *The protean self: human resilience in an age of fragmentation*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Lisenkova, A. A. (2021), *Transformatsiya sotsiokulturnoy identichnosti v tsifrovom prostranstve* [Transformation of socio-cultural identity in digital space], PGIK, Perm, Russia (in Russ.). EDN: TOSUPY
- McLuhan, M. (2003), *Ponimaniye media: vneshniye rasshireniya cheloveka* [Understanding media: the extensions of man], Transl. from English by Nikolaev, V., KANON-Press-Ts, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QOCITF
- Petrova, E. V. (2008), "Health and the problem of human adaptation", *Philosophy of Science*, 13(1), 114-123 (in Russ.). EDN: TQUXVZ.
- Petrova, E. V. (2017), "Information environment and its impact on the individual: problems of human ecology in the information society", *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 5, 98-114 (in Russ.). EDN: ZDPHHR
- Pruzhinin, B. I., Shchedrina, T. G., and Shchedrina, I. O. (2023), 'Social programming in the student audience: motivation for cognition', *Voprosy filosofii*, 10, 5-15 (in Russ.), DOI: 10.21146/0042-8744-2023-10-5-15; EDN: FYZZCS
- Ritzer, G. (2011), *Makdonaldizatsiya obshchestva 5*, [The McDonaldisation of society 5], Transl. from English by Lazarev, A., Praksis, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: QUSGWH
- Rosa, H. (2013), *Social acceleration: a new theory of modernity*, Columbia University Press, New York, USA.
- Rozin, V. M. (2006), *Ponyatiye i sovremennyye kontseptsii tekhniki* [The concept and modern theories of technology], Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: SUPILH

Sanjek, R. (1974), 'What is network analysis, and what is it good for?', *Reviews in Anthropology*, 1(4), 588-597.

Spitzer, M. (2014), *Antimozg: tsifrovyye tekhnologii i mozg* [The mindless: digital technologies and the brain], Transl. from German by Grishin, A. G., AST, Moscow, Russia (in Russ.).

Zuboff, S. (2022), *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoye budushcheye na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power], Transl. from English by Vasiliev, A. F., Gaidar Institute Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.*

ОБ АВТОРЕ

Теплов Александр Сергеевич, младший научный сотрудник сектора Философии естественных наук, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, г. Москва, 109240, Российская Федерация; *teplov-2000@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Alexander S. Teplov, Junior Researcher, Sector of Philosophy of Natural Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, bld. 1, 12 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; *teplov-2000@yandex.ru*